

нб74.

Мас.
1530

Театрал 1896, № 95

Изв. ценз 25 нояб.

С. Т.
(С. В. Танеев?)

Петербургскія письма.

Александринскій театр.)

„Чайка“.

Первое представлѣніе новой комедіи Ант. Чехова „Чайка“ явилось единственнымъ, въ своемъ родѣ, представлѣніемъ въ лѣтописи Александринской сцены. Оно ознаменовалось безпримѣрнымъ скандаломъ, затѣяннѣмъ, на этотъ разъ, не расхаживавшею толпою подгулявшихъ мастеровыхъ и не гдѣ-нибудь на улицѣ, а „просвѣщенною“ публикою столицы, въ разѣ „храма искусства“!.. И болѣе двадцати лѣтъ посѣщаю

75.

1) См. обзоръ гонимъ Чеховъ VIII, 371 (30-к)

петербургскіе театры, я былъ свидѣтелемъ множества „приваловъ“, слышалъ и видѣлъ протесты публики, но ничего не запомню подобнаго тому, что происходило въ зрительномъ залѣ на 25-ти лѣтнемъ юбилей Г-жи Левкѣевой. Это было какое-то издѣвательство надъ авторомъ и артистами, какое-то неистовое злорадство нѣкоторой части публики, словно зрительный залъ переполненъ былъ на добрую половину злѣйшими врагами г. Чехова. Представленіе „Чайки“шло буквально подъ аккомпаниментъ свистовъ, хохота, криковъ „говори!“, неумѣстныхъ поддѣкиваній артистамъ, все это смѣшивалось съ тирадами и рѣчами писемителей. И весь этотъ протестъ (если только такое неяснѣе безобразное поведеніе нѣкоторой части публики можно называть протестомъ) не былъ общимъ приговоромъ публики въ концѣ пьесы: безобразіе началось чуть ли не съ первыхъ словъ комедіи. Уже въ первомъ актѣ кому-то изъ посѣтителей безъ-стыжа не понравились декадентскіе стихи въ исполнении г-жи Коммисаржевской и когда, по ходу пьесы, саунателли на сценѣ произнесли „мело, мело“, въ зрительномъ залѣ послышалось громкое замѣчаніе „мало промѣла!“ — что вызвало въ публикѣ смѣхъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Неистовство публики росло съ каждымъ актомъ: она, очевидно, вошла во вкусъ. Особенно злорадествовали страсти цѣнители и судьи изъ „лишущей“ братіи. Тутъ сводились личные счеты.

Говорятъ, г. Чеховъ былъ такъ удрученъ поведеніемъ публики, что онъ убѣжалъ изъ театра и на другой же день посѣщенья убѣжать изъ Петербурга. Да, странно все это, если вспомнить, что г. Чеховъ — одинъ изъ любимѣйшихъ современныхъ писателей. Что за неуваженіе къ авторской личности, что за неблагодарность! Мало ли ставилось неудачныхъ пьесъ (и въ тысячу разъ болѣе неудачныхъ, чѣмъ „Чайка“), такъ почему же неудачъ г. Чехова былъ приданъ характеръ какого-то торжества? Не говорить ли это и еще и еще разъ о паденіи *театра* въ широкомъ значеніи этого слова?.. Искусство собственно все болѣе и болѣе отступаетъ на второй планъ: публика приходитъ въ театръ съ единственною цѣлью — убить какъ-нибудь время... Критика приходитъ туда за тѣмъ же, хотя и маскируетъ это громкими фразами и тирадами. Она кричитъ объ искусствѣ — и тутъ же сама руководителъ

личными соображеніями, сводить личные счеты... Бѣдное искусство!..

Удивительно ли, что такое необычайное явленіе послужило темою для массы разговоровъ, массы газетныхъ статей, полемикъ и споровъ. Пресса набросилась на „Чайку“ и ея автора съ завиднымъ усердіемъ: дошли до того, что стали отрицать какой бы то ни было талантъ въ г. Чеховѣ, писали, что это—раздутая величина, созданіе услужливыхъ друзей и все въ томъ же родѣ. Наболевѣ вліятельный другъ г. Чехова—А. С. Суворинъ отвѣтилъ на эти неумѣстныя выходки обширной статьей въ „Новомъ Времени“, при чемъ начало своей статьи онъ посвящалъ характеристикѣ г.г. судей: „О, сочинители и судьи! Кто вы?.. Какія ваши имена и заслуги?.. По моему, Ант. Чеховъ можетъ спать спокойно и работать“. Дѣйствительно, злорадство нѣкоторыхъ критиковъ доходило прямо таки до цинизма. Они не только осмѣивали и поносили новое произведеніе г. Чехова, но, въ своемъ усердіи, восторгались поведеніемъ публики и усматривали въ такомъ поведеніи... голосъ истинныхъ цѣнителей и глубокое пониманіе *интеллигентныхъ* зрителей!.. *) Дѣло дошло до курьеза. Въ той же газетѣ, въ томъ же номерѣ, читатели могли познакомиться съ діаметрально противоположными взглядами двухъ сотрудниковъ на умѣтность свистковъ, свистанья и всякихъ безобразій въ театральномъ залѣ. Московскій корреспондентъ газеты рассказывалъ объ аналогичномъ случаѣ. въ Московскомъ Маломъ театрѣ, во время перваго представленія пьесы г. Шнајншеняго „Грѣхъ повуталъ“ и горячо осуждалъ какого-то „свистуна“, забывшаго, что онъ въ театрѣ: не то, какъ видите, преповѣдуетъ петербургская критика...

*) Такъ, наприм., одинъ изъ нихъ отвѣчалъ г. Суворину: „А. С., свидѣтельствуя о неумѣхъ пьесы, обвиняешь всецѣло и исключительно публику, которая „се умѣетъ слушать“ и вовсе „не интересуется литературными вопросами“. Это—очень хороший пріемъ: указывать на неумѣстность и тупость публики, для которой вы и ваши друзья „творите“, но которая на самомъ дѣлѣ не только не поклоняется, а свиститъ (?) и свистаетъ!.. Публика—не въ смыслѣ массы, толпы, а въ смыслѣ собранія состоящихъ образованныхъ, просвѣщенныхъ людей. (?)—ничего не понимаетъ, ничѣмъ не интересуется, вы же все понимаете, всемъ интересуетесь, и потому, заведомо фальшиво и самозванно создаете и поощряете „таланты“.

4. неумѣетъ слушать!

Но что же такое „Чайка“?..

Сюжетъ пьесы крайне простъ и несложенъ. Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ нѣкого Сорина-юрста, отставнаго чиновника, доживающаго свои дни въ деревнѣ. У Сорина сестра-актриса Аркадина, по мужу Треплева; она пріѣхала отдохнуть „на лонѣ природы“, но пріѣхала не одна, а съ другомъ сердца, извѣстнымъ белетристомъ Тригоринымъ, съ которымъ состоитъ въ любовныхъ отношеніяхъ. Здѣсь же въ усадьбѣ проживаетъ сынъ Аркадиной, Константинъ Треплевъ-молодой литераторъ-декадентъ; плутъ управляющій, изъ отставныхъ военныхъ, Шамраевъ, жена котораго открыто живетъ съ уѣзднымъ докторомъ Дорнымъ; дочь ихъ Маша-младшая эцентричная дѣвушка, нюющая воду и нюхающая табакъ, и учитель Медвѣденко, говорящій только о томъ, что онъ получаетъ 23 руб. въ мѣсяцъ.... Всѣ эти люди видятся изо дня въ день, изо дня въ день бесѣдуютъ объ однихъ и тѣхъ-же предметахъ, они давно надоѣли другъ другу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ обойтись другъ безъ друга: они механически связаны между собой; жизни, съ ея вѣчными запросами и тревоженіями, они не знаютъ, — они знакомятся съ нею по слабому отпечатку въ видѣ газеты, — широкая волна ея не касается ихъ, она проносится мимо, какъ проносится мимо несчастнаго телеграфиста на захолустной станціи, который изо дня въ день знакомится съ мимолетнымъ отраженіемъ жизни по курьерскимъ, почтовымъ и пассажирскимъ поѣздамъ. Не жизнь, а какое-то однообразное, скучное, тоскливое прозябанье!.. И вотъ въ такой обстановкѣ выросли Константинъ Треплевъ, Маша Шамраева и дочь богатаго помещика Зарѣчнаго, сосѣда Сорина, — Нина Зарѣчная. Всю эту молодежь связываетъ безотрадное дѣтство и столь же безотрадная юность: они никогда не знали родительской ласки, росли одиноко, безъ призора... и сознаніе этого гнетущаго одиночества и полной изолированности отъ жизни сдѣлало ихъ всѣхъ странными, ненормальными и больными. Мать Константина актерствуетъ и забросила сына; отецъ Нины, получившій по завѣщанію все состояніе своей жены, женился въ другой разъ и забросилъ дочь; родители Маши заняты своими дѣлами: отецъ плутовствомъ, а мать ревностью, которую преслѣдуетъ на глазахъ у дочери своего сожителя,

доктора Дорна. Кому какое дѣло до дѣтей! А между тѣмъ вся эта молодежь куда-то рвется; жизнь въ такихъ рамкахъ кажется ей тюрьмой, — она жаждетъ чего-то, чего — и сама не знаетъ, чего-то неопредѣленнаго, чего-то такого, что она вычитала въ книгахъ, ей хочется кѣмъ-нибудь стать, что-нибудь значить!... Константинъ бросается въ литературу и, по своему настроенію и складу своей жизни, примыкаетъ къ новѣйшимъ ея теченіямъ, какъ наиболѣе отвѣчающимъ его большому воображенію; Нина смутно мечтаетъ о сценѣ; Мама вѣчно поетъ, жалуется на свою судьбу; она полюбила Константина и не встрѣчаетъ взаимности, ищетъ утѣшеній въ коньякѣ и въ табакѣ, лишь бы притупить свои болѣзненные, если можно выразиться, обнаженные нервы. Въ лучшихъ условіяхъ въ началѣ комедіи Константинъ и Нина: они любятъ другъ друга, вмѣстѣ мечтаютъ, вмѣстѣ скорбятъ, вмѣстѣ смутно стремятся къ чему-то, что выше, чище *этой* жизни: онъ выливаетъ свои смутныя думы въ столь же смутныя формы; она декламируетъ его стихи...

Но вотъ въ этотъ «мертвый» домъ пріѣзжаетъ мать Константина съ своимъ сожителемъ. Мертвый домъ временно ожилъ. «Столичные гости» внесли въ него струю жизни, но и струю столичной грязи и извращенности. Это опять особый мірокъ, живущій исключительно для себя, для своихъ успѣховъ для кричащей славы, роскошныхъ туалетовъ и сытой, чисто животной, жизни.

Вотъ вамъ актриса Аркадина: вѣчно играющая, не только на сценѣ, но и въ жизни (она такъ сроднилась съ этимъ, что уже не замѣчаетъ этого: говоритъ — говоритъ и вдругъ начинаетъ разыгрывать сцену изъ какой-либо роли), вѣчно хвастающая своей сохранившейся таліей, молодящаяся, интригующая, завидующая всякому успѣху другого (особенно, если это «другое» — свѣжо и молодо), эгоистка до мозга костей, для которой ничего не существуетъ внѣ собственнаго безграничнаго самолюбія и удовлетворенія животныхъ потребностей. А вотъ и ея сожитель — белетристъ Борисъ Тригоринъ: когда-то честный и добрый малый, бѣгавшій съ рукописями по редакціямъ, теперь онъ достигъ степеней «извѣстныхъ», усталъ, пишетъ потому, что ему необходимъ извѣстный комфортъ, т. е. извѣстная кругленькая сумма, жи-

вѣтъ съ Аркадиной потому, что ему «рыхлому и вялому», какъ онъ самъ называетъ себя, нужна любовница-нянька, которая ходила бы за нимъ, холила бы его и по вечерамъ чесала бы ему пятки. Эта парочка восхитительна... Но для обитателей мертвого дома этого — герои, и герои смуткан гвѣтущій покой мертвого дома. Фальсифицированный блескъ принимается за золото. Сбран, провинціальная барышня — Нина Зарѣчная вивить воецію театральную знаменитость г-жу Аркадину, о которой она такъ много *читала въ газетахъ* (въ газетахъ иинуть ужъ чего еще!), разговариваетъ съ ней, удостоивается чести говорить съ знаменитымъ Тригоринымъ, романами котораго она зачитывалась въ иичной тиши, съ тѣмъ Тригоринымъ, о которомъ такъ причать, котораго такъ восхваляютъ критики, портреты котораго печатаются въ иллюстрированныхъ вридахъ иихъ къ газетамъ... и этотъ Тригоринъ, эта знаменитость свиссходить къ ней, онъ даже говоритъ «милое, милое», когда она въ первомъ дѣйствіи комедіи, на садовой сценѣ, декламируетъ стихи Константина... И.. Константинъ забыть; съ помощью иѣсколькихъ тензыхъ словъ, жалобъ на свою несовершенную жизнь, безсиліе творить такъ, жить такъ, какъ бы хотѣлось — иничка поймана: «если когда избуль моя жизнь понадобится тебѣ — возьми ее», признается Нина устами одной изъ героинь романа Тригорина. Константина мучить ревность: первый выхоть у такихъ перво развнченныхъ людей — револьверъ, — онъ стрѣляется, но неудачно и только равить себя въ голову. Что касается Нины, то жизнь ея, дѣйствительно, скоро понадобится Тригорину; онъ сознается въ этомъ своей сожителницѣ Аркадиной и просить ее чуть ли не на коѣбкахъ «отнустить его, чтобы насладиться радостями, которыхъ онъ до сихъ поръ не зналъ»... Аркадина разыгрываетъ трогательную сцену, она умоляетъ его уѣхать, она клянется, что замѣнитъ ему всѣ эти радости заботами няньки, сидѣлки и любовницы... «Рыхлый» Тригоринъ сдается: «вези», говоритъ онъ, но ѣдетъ въ Петербургъ уже не съ одною, а съ двумя любовницами, такъ какъ Нина рѣшилась поступить на сцену, и Тригоринъ съ радостью поддерживаетъ неопытную Нину въ ея рѣшеніи...

Эпизодъ разыгрывается черезъ два года въ той же усадѣбѣ Сорина.

Все здѣсь идетъ по-старому: тѣ же лица, тѣ же пѣсни. Перемены никакихъ, хотя Константинъ и сталъ печататься въ столичныхъ журналахъ, а Маша вышла замужъ за учителя Медвѣденко... все это чисто внѣшнія событія, нисколько не повліявшія на внутренній складъ и настроеніе этихъ людей. Какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, каждый ходитъ съ своею душою щемящею болью... И опять, какъ въ началѣ комедіи, въ эту тоскливую обитель врывается нѣкоторая струя жизни (!): пріѣзжаетъ Аркадина съ Тригоринымъ. Но гдѣ же Нина? Что стало съ нею?.. Это мы узнаемъ отъ самой Нины: ее потянуло къ родному очагу, ей захотѣлось повидаться съ Константиномъ, котораго она когда-то любила, и она пріѣзжаетъ къ своимъ родителямъ, но останавливается гдѣ-то на селѣ... Жизнь сильно потрепала ее и дала ей суровый урокъ. Тригоринъ, наградивъ ее ребенкомъ, давно уже бросилъ ее; бѣдная Нина перекочевываетъ изъ города въ городъ, она стала провинціальною актрисой, переноситъ всѣ прелести этой профессіи—отъ голода и холода до ухаживаній пьяныхъ купцовъ и кутежей по требованію антрепренера... Жизнь ея разбита, но она все еще любитъ Тригорина... Константинъ такъ потрясенъ печальною повѣстью Нины, что опять стрѣляется и на этотъ разъ пуля угождаетъ уже прямо въ сердце... Занавѣсъ.

Да, это дѣйствительно сюжетъ для небольшого разсказа: такой разсказъ думалъ написать на эту тему Тригоринъ при видѣ чайки, которую зря убилъ Константинъ на озерѣ. Тригоринъ, увидавъ убитую птицу, записываетъ, подъ впечатлѣніемъ этого эпизода, сюжетъ въ свою записную книжку и посвящаетъ Нину въ содержаніе своего будущаго разсказа: «на берегу съ дѣтства живетъ молодая дѣвушка такая, какъ вы; любить она озеро, какъ чайка, и счастлива, и свободна, какъ чайка. Но случайно пришелъ человекъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее, какъ вотъ эту чайку». — «Не надо такъ...» говоритъ Нина... но самъ Тригоринъ такъ же зря убиваетъ чайку—Нину, какъ Константинъ убилъ свою чайку на озерѣ: отсюда названіе комедіи.

Все это изображено замѣчательно просто, такъ же просто, какъ это дѣлается въ жизни—и, быть-можетъ, въ этомъ главная причина неуспѣха «Чайки». Она не сценична и на-

444-к

номиналь «передѣлку изъ повѣсти», въ которой отдѣльные эпизоды плохо связаны между собою. Что дѣлать, съ этимъ неминуемо приходится считаться каждому драматургу! Но зато отдѣльныя частности въ пьесѣ Ант. Чехова такъ художественны, новы и оригинальны, онѣ дышатъ такой простотой и искренностью, что, право, невольно забываешь нецензурность «Чайки» и, вмѣстѣ съ авторомъ, проникаешься горькимъ настроеніемъ «Хмурыхъ людей» и «Скучной исторіи» нашей жизни...

Надо отдать справедливость, что неуспѣху «Чайки» на Александринской сценѣ на этотъ разъ сильно способствовали болѣе чѣмъ слабое исполненіе пьесы и въ высшей степени небрежная постановка. Промахи въ планировку дѣйствующихъ лицъ, не говоря уже о полномъ отсутствіи ансамбля и общаго тона у исполнителей, — бросались въ глаза на каждомъ шагѣ. Все представленіе носило характеръ какого-то любительскаго спектакля; минутами просто не вѣрилось, что все это происходитъ на образцовой сценѣ!..

Конечно, трудно говорить объ игрѣ актеровъ, которымъ пришлось играть при такихъ исключительныхъ условіяхъ (я разумѣю непристойное поведеніе публики), но несомнѣнно одно, что комедія Ант. Чехова была сребетована изъ рукъ вонъ плохо и роли въ «Чайкѣ» были розданы ни съ чѣмъ не подобно. Зачѣмъ, напр., роль Аркадиной была поручена г-жѣ Дюжиковой 1-ой, когда въ труппѣ имѣются двѣ подходящія исполнительницы на эту роль: г-жа Савина и г-жа Н. Васильева? Зачѣмъ Тригорина игралъ г. Сазоповъ, когда въ труппѣ есть г. Дальскій?.. Зачѣмъ... и много такихъ «зачѣмъ» напрашивалось само собой: чувствовалось, что на этотъ разъ режиссеръ и актеры не только не помогли автору, но общими силами повредили ему. А жаль: «Чайка» достойна иного отношенія и заслуживаетъ лучшей участи...

Р. S. Благодаря моему отсутствію изъ Петербурга, мнѣ не удалось видѣть нѣкоторые новинки: отчетъ о нихъ дамъ въ слѣдующихъ письмахъ. Судя по количеству представленій, наибольшимъ успѣхомъ пользуются «Бой бабочекъ», «Гибель Содомы» и «Пашенька» на казенной сценѣ и «Графъ де-Ризоръ» на сценѣ Литературно-Артистическаго Клуба.

С. Т.

<С.В.Танеев?>